

Гольдшмидт Ауэрбах. Макс Штирнер, его жизнь и его дело

Очерк немецкого профессора философии А. Гольдшмидта вышел в Берлине в 1908 г. в журнале «Общество» (№ 16).

Рассказывают, что одна англичанка, весьма строгих нравов, при виде колоссальной статуи совершенно нагого Геркулеса воскликнула: « В таких размерах неприличное перестает быть неприличным». Эти слова можно применить к всеразрушающему радикализму Штирнера: в таких размерах революционное перестает быть революционным. Это чувство испытывало, вероятно, и саксонское министерство, когда сняло запрещение с его книги, мотивируя это тем, что она слишком абсурдна, чтобы быть опасной. Мудрое «начальство» оказалось правым: Штирнер не стал опасным , для правительства.

Штирнер... был совершенно забыт... Лишь после того, как философия Ницше... совершила свое триумфальное шествие по миру, выплыло имя Штирнера...

Как раз для нашей эпохи Штирнер был бы хорошим воспитателем; он на удивление современен, даже злободневен; но наше время недостаточно свободно для этого. Подумайте только, какой вид будет иметь наша современность, представшая перед судом истинно свободного духа! Как и прежде, в полной силе остается цитата Штирнера, разумеется, не только для пруссаков: «Каждый пруссак носит в груди своего жандарма». Он утешается будущим: люди будущего будут бороться за такую свободу, потребности в которой мы теперь даже не чувствуем.

Произведение Штирнера... было самое смелое и самое свободное деяние мысли той смелой и свободной революционной эпохи. Большое заблуждение считать Штирнера, по существу, антисоциалистом потому только, что он называет социалистов из-за отсутствия собственности у единичной личности нищими. Вообще его нельзя назвать систематиком или теоретиком какой-либо теории или направления: он берет ценное всюду, где его находит. Так, признает он коммунистические и социалистические принципы, коммунистические экспроприации и свободные ассоциации, для того чтобы устранить частную собственность и вредную, нецелесообразную конкуренцию. Но он — смертельный враг социалистического государства, коммунистического общества, так как он смертельный враг всякого государства, всякого общества. Ибо всякое государство — автократическое, аристократическое или демократическое — есть деспотия, должно быть деспотией,

порабощающей индивида и лишаящей его права на своеобразие и самоопределение. Индивидуалистический анархист Штирнер находится со своим отрицающим государство индивидуализмом в лучшем современном обществе.

...Штирнер ожидает блага от «союза эгоистов», от свободных ассоциаций... Он издевается над радикальным либерализмом его времени, который считает возможным абсолютную свободу. Человек как социальное существо - а «общество — наша естественная среда» — видит свою волю, свою свободу необходимым образом ограниченными. Штирнер сам указывает на то, что это, естественно, будет иметь место и в выставленном им как идеал, основанном исключительно на личном интересе свободном союзе. Но своеобразие, с которым государство не считается, остается в нем сохраненным, и оно, оно именно, и должно образовать основу в любое время могущей быть расторгнутой связи; член союза сам гарантирует себе свою свободу на своеобразие. Государство не терпит, чтобы свободная личность говорила ему: «Отойди от солнца». Государство хочет лишь себя, своего существования, своих целей.

...Индивидуализм Штирнера возмущается против насилия среды, коллективного духа, коллективной психики, против продуктов государства, общества. В этом заключается глубокая основа его теории союзов: этот всевластный дух коллективности должен быть сломан, это мистическое единство разрушено. Свободные союзы должны либо совсем воспрепятствовать его образованию, либо действовать децентрализирующе, разлагающе.

Штирнер ведет исполинскую борьбу за освобождение человеческого «я» от всякого и каждого авторитета, выступающего абсолютно и священно с претензией быть обязательным для каждого. Вместе со святым падает и грех, с сознанием святости — сознание греховности. Практические последствия, разумеется, огромные. Штирнер... отрицает всякую власть — божескую и человеческую, государственную, правовую, моральную, религиозную, даже власть разума и истины. Он предпринимает этим самую крайнюю революцию, какая вообще только возможна... Все святое, то есть абсолютное, установившее свою суверенность относительно «я», как скала, для него не что иное, как призрак, привидение, существующее лишь для тех, кто верит в привидения...

Как глубоко и грандиозно понимает Штирнер «я» как творца своих созданий, связанных, действующих, следуя определенным, устойчивым идеям, догмам. Свободная личность, как он ее понимает, есть гений, художественно противостоящий миру.

На... превозношении единственности, глубоком отличии по существу, покоится штирнеровское отрицание морали. Это не нигилизм, не беззаконный произвол, а субъективизм.

Штирнер видит в требованиях, предъявляемых «идеалами», всемирно-историческое проклятие человека, основную иллюзию, совращающую его с пути само-и миронаслаждения, радости жизни. Идеальные требования не делают людей лучше и счастливее, а, наоборот, делают их несчастными и дурными; на протяжении истории человечества они стоили бесчисленных жертв. Как категорический императив в самом сердце человека они приводят к мучительному раздвоению индивида, как господствующий, или борющийся за господство,

религиозный, моральный закон разума они приводят к распрям с другими, к фанатизму нетерпимости, к инквизиции и гильотине.

Бесконечной любовью к людям проникнута книга этого апостола эгоизма, этого грозного разрушителя. Все его революционное миросозерцание, его решительное отрицание святого покоится на основе величественного оптимизма; если не понимать этого, то нельзя понять его точку зрения... То, чего лишается у Штирнера святое, приобретает человек. Он верит в свободное стремление людей к развитию, без опеки ригористического фанатизирующего категорического императива. Он верит... в прирожденный аристократизм человеческой натуры, в ее естественный разумный инстинкт, в способность человека быть хранителем человеческого и человеческого...

После уяснения себе произведения Штирнера можно понять решение саксонского королевского министерства: оно слишком абсурдно, чтобы быть опасным. «Единственный» не мешает правительственным кругам; штирнеровская критика имеет всемирно-исторический характер; она рассматривает вещи под углом зрения изменения, под углом зрения изречения: «Все течет». Существующее для нее безразлично, она считается с совершенно другими факторами, а не с реальной политикой. Штирнер не временный, а вечный революционер; вот почему он и не принимал участия в революции 1848 года.

Книга его не создана для того, чтобы стать популярной: она слишком глубока и слишком свободна, следовательно, слишком крайняя.

Его учение насквозь демократично, и все его симпатии на стороне пролетариата, так что совершенно непонятно, как некоторые критики, введенные в заблуждение индивидуалистическими понятиями, хотели сделать его апологетом буржуазной конкуренции. Подобное суждение — исключительно по внешним признакам - шаблонно и невыносимо банально. Вся его книга полна пламенных призывов к современникам, в особенности к рабочим... «Станьте эгоистами», — таков категорический императив Штирнера. Если бы книга его называлась: «Миллион единственных и их собственность», то это вполне соответствовало бы собственному смыслу его слов и предотвратило бы многие ложные толкования.

Версия #3

Зверобой создал 10 апреля 2025 20:08:58

Зверобой обновил 10 апреля 2025 21:34:37